

Проект «Секреты профессии»

Полный текст беседы с Сергеем Голубком, членом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.

Подготовила Екатерина Казьмина, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского филиала РАНХиГС.

Екатерина Казьмина: Сергей, насколько я знаю, Вы окончили Санкт-Петербургский университет, а в дальнейшем продолжили обучение за рубежом.

Сергей Голубок: Да, в 2006 году я закончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Поступил в магистратуру LL.M Университета Эссекс в Колчестере (Великобритания) по программе «Международное право прав человека», где проучился год и получил степень «Магистр права». Защитил в Санкт-Петербурге кандидатскую диссертацию (прим.ред. – на тему «Право на свободные выборы: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и формирование международно-правовых стандартов Содружества Независимых Государств»). Обучение в Великобритании проходило по узкой программе, являющейся на тот момент одной из самых популярных в мире, и это было очень интересно.

Е.К.: Интерес к международному праву сложился уже в университете? И что повлияло на этот интерес?

С.Г.: Да, в университете. Я интересовался конституционным правом и увидел, что между конституционным правом и международным правом есть много мостиков, особенно в области прав человека, в том числе глава 2 Конституции Российской Федерации и не только она.

Поменял я свою специализацию после конкурса Джессопа. Он показал мне возможности международного права, которое по сравнению с национальным правом, я бы сказал, находится на менее развитом уровне. Это позволяет юристу более творчески подходить ко многим вопросам в силу отсутствия единого законодателя, иерархии источников права. За счет этого в деятельности юриста в международном праве больше творческого аспекта. Мне понравилось строить аргументацию, характеризующуюся меньшей ригидностью. Это определило мой интерес и в дипломной работе, и в кандидатской.

Я отношусь к праву, как к искусству, и считаю, что нужно относиться к нему как к материалу для творчества. Но это творчество осуществляется для потребителей: людей и общества. Право позволяет структурировать общество. И сейчас ввиду настоящих событий я вижу, насколько международное право актуально.

Другое дело – право существенно меняется, на передний план выходят новые темы: международно-правовое регулирование окружающей среды,

виртуального пространства (от блокчейна до видеоигр), – это то, о чем 10 лет назад мы и не думали.

Е. К.: Сергей, имея опыт обучения и в российском вузе, и в британском, скажите, в чем Вы видите отличия в высшем образовании в России, Европе и, в частности, в Англии?

С. Г.: Безусловно, российское образование, являясь европейским, в то же время является и азиатским. Эта его особенность и определяет интерес к нему.

Есть разные подходы к образованию в разных странах. Особенностью Великобритании является отсутствие единого государственного стандарта. Каждый университет самостоятелен в определении содержания своих программ. Вплоть до того, что в разных вузах даже степень называется по-разному. В университете Эссекса в Колчестере – степень LL.M-магистра, в Оксфорде и Кембридже – Magister Juris при отсутствии как таковой специализации, что позволяет студенту самому определить содержание своей магистратуры путем выбора любых предметов. В этом английские университеты свободнее российских. На мой взгляд, это позволяет университетам развиваться в условиях академической свободы, когда программы формируются «сбоку», со стороны коллег, посредством peer review.

Однако, далеко не во всей Европе дело обстоит именно так. Во Франции, как видится, преподаватели имеют статус, схожий со статусом государственного служащего, связанного государственными установлениями, в чем они близки с российскими коллегами.

Но я не склонен считать, что в европейских вузах все хорошо, а в российских все плохо. Все очень по-разному, так как и в Европе во многих государствах университеты появились совсем недавно (в частности, в Люксембурге, на Кипре). При выборе европейского образовательного учреждения российскому студенту необходимо смотреть на конкретные школы, программы и их особенности. При этом магистерских программ, как видится, слишком много. Порой они сведены к экономической выгоде. Образование стало жертвой своего успеха, и полагаю, что мы будем наблюдать обратный процесс – не будет иметь значения, какая степень есть у человека.

Е. К.: Что Вам дала именно LL.M-программа в области прав человека?

С. Г.: Сперва хочу отметить, что хороший бакалавриат никто не отменял. Именно на бакалавриате студенты получают базовые знания, основные юридические навыки. Невозможно магистратурой заменить хороший бакалавриат. После бакалавриата вы получаете некую «карту города», а потом появляется необходимость изучить какой-то район этого города.

Неплохо, на мой взгляд, пройти магистратуру по очень узкому направлению, например, магистратуру по морскому страхованию. Идея магистратуры заключается в том, чтобы вам показали, где находятся

основные «дороги», в результате чего вы уже ориентируетесь в этом районе хорошо и понимаете, где вам ходить (какие книги стоит читать, какие кейсы положены в основу данной дисциплины). В этом мое обучение в Эссексе и было ценным, мне удалось понять, в чем суть международного права прав человека. Но при этом, конечно, я не уверен, что знания, полученные мной тогда, релевантны сейчас. Но между тем, у меня появилась «карта этого города», с которой уже можно работать.

Е. К.: Именно магистратура определила Ваш путь в адвокатуру и в правозащитную деятельность?

С. Г.: Не совсем, сразу после магистратуры я участвовал в конкурсе и попал на работу в секретариат Европейского Суда по правам человека.

Е. К.: Как Вам видится, насколько реально попасть на стажировку, на работу в такие организации? Многие студенты провинциальных вузов не верят в такую возможность.

С. Г.: Все очень по-разному. Если говорить о Европейском Суде по правам человека в начале 2000-х годов, то его аппарат находился в процессе роста, и по конкурсу попасть туда было вполне реально. Основное значение имело знание английского и (или) французского языков и умение составлять на них документы. Однако сейчас этот путь во многом закрылся, так как секретариат перестал расти, в силу «нулевого» бюджета просто нет рабочих мест.

Поэтому надо смотреть, что на настоящий момент в тренде. Так, например, сейчас актуальны вопросы изменения климата. В Бонне находится штаб-квартира Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, и за последние годы эта организация выросла в несколько раз, увеличилась до структуры, схожей с Советом Европы.

Если говорить об организациях в области прав человека, то у меня есть сомнения по вопросу их выживаемости. В частности, Совет Европы и Комиссариат ООН по правам человека новых сотрудников не принимают. Более того, нынешние сотрудники находятся в состоянии тревоги, так как есть риски потери работы. Время, когда все эти организации росли, прошло. Аналогичная история с Международным уголовным Судом. Вряд ли будут создаваться новые Трибуналы.

Но интересно посмотреть, как Всемирная организация здравоохранения переживет этот год. Все очень меняется, и в этом достоинство 21 века. И надо иметь в виду, что выбранная вами специализация будет актуальна через некоторое время, потому что деятельность юриста зависит от существующего запроса в обществе.

Так и я ушел из Секретариата ЕСПЧ самостоятельно, потому что почувствовал, что не хочу быть бюрократом, а эта работа бюрократическая. После, поработав в английской компании в «бумажной» должности, я понял, что в профессии юриста можно работать без начальства, в отличие от многих других профессий. В результате чего вступил в Адвокатскую палату Санкт-

Петербурга и работаю адвокатом 9 лет. Представляю своих доверителей не только в судах, но сейчас, в большей степени, занимаюсь консультационной работой. Главное, что адвокатура предполагает самостоятельное распределение приоритетов, времени, что более привлекательно даже, чем работа в международной организации.

Е. К.: На самом деле, видится, что к работе без начальства надо быть готовым, уметь себя организовывать, быть сильным коммуникатором. Какие еще навыки и качества необходимы для такой работы?

С. Г.: Работать без начальства намного сложнее, так как никто ничего не гарантирует. Ведь это, по сути, работа фрилансера, которая все чаще во многих сферах встречается, даже в тех, где это казалось невозможным. Кроме коммуникации и распределения времени, мне кажется, важным уметь формировать себе правильную цену. Не идти по пути демпинга: сокращать цену при увеличении объема работы. Сейчас я считаю более целесообразным взять один серьезный проект вместо 15 мелких. В последнем случае у вас просто не будет времени подумать о стратегических вещах, без чего вы можете упустить важные моменты в той сфере права, которой вы занимаетесь. Важно иметь достаточно свободного времени, чтобы развивать себя.

Так, карантин показал ценность времени: иногда важнее погулять по парку или просто посмотреть на белую стену, и от этого будет больше пользы.

При этом очень сложно говорить «нет». Есть риск взять много проектов, но не сработать качественно. Для многих коллег переход во фриланс сложен и не каждый может сделать этот шаг. Но я этот формат принял и не жалею.

Е. К.: Несмотря на умение говорить «нет», Вы беретесь за защиту pro bono (бесплатно для доверителя). Что движет Вами при принятии такого решения?

С. Г.: Есть много рассуждений на тему того, что юристы выполняют свой долг, принимаясь за такие дела. С уважением отношусь к такой позиции, но при этом я сам берусь только за дела, которые мне интересны и зависят от обстоятельств. Таким было дело Ильдара Дадина. Я включился в него за несколько дней до заседания, присоединился к его адвокатам К. Костроминой и А. Липцеру. Я увидел в деле возможность высказаться по ряду вопросов, по которым хотел свое мнение обозначить. Я увидел возможность привлечь внимание общества к теме мирного протеста, рад, что десятки тысяч людей посмотрели [видео](#) этого заседания в YouTube, получился неплохой перформанс. Это, в общем-то, то, ради чего юрист работает.

Е. К.: Но не в каждом суде это возможно.

С. Г.: Потому что плохие исполнители. А чем районный суд принципиально отличается от Конституционного Суда? Ведь во многом он важнее. Он рассматривает дела по первой инстанции и устанавливает факты, допрашивает свидетелей и участников процесса, где перформанс и шоу

намного уместнее. Когда вы допрашиваете свидетеля или эксперта, результат зависит от искусства адвоката. Задавать вопросы намного сложнее, чем отвечать на вопросы.

К сожалению, российское общество мало интересуется происходящим в зале суда. Заседания Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации до его упразднения собирали много зрителей в YouTube, однако Верховный Суд России не вызывает такого интереса. Все зависит от того, что там происходит.

Дело Дадина, безусловно, привлекает внимание. Нет смысла вновь и вновь говорить о статье 31 Конституции РФ, так как очевидно, что публичное мероприятие – это больше плюс для власти, чем минус, это возможность услышать, что думают люди. Нет смысла разгонять мирный протест, это контрпродуктивно: мы видим это на примере того, что происходит в США.

Сложно сказать, что еще вызовет такой мой интерес сейчас, как это было с делом Дадина. Вы упоминали дело Мсхиладзе. Во многом оно было даже интереснее, просто к Дадину было приковано общественное внимание, но оно было во многом ярче. Там ведь тоже были вопросы теологического характера: в чьих интересах то, что обсуждалось. Это очень важно, не уходить в параграфы, в пункты, а смотреть глубже, искать смыслы того или иного правового регулирования. Это важно делать юристу.

Е. К.: Возвращаясь к качествам юриста, одно из очень важных качеств – умение выступать публично, особенно для адвоката. На Ваш взгляд, это качество врожденное или приобретенное? Можно ли студентам над ним работать и развивать?

С. Г.: На самом деле, это зависит от многих факторов. Не каждый день я это качество могу проявлять. Это творческий момент, нужно вдохновение и опыт. Нужно обязательно смотреть на то, как это делают мэтры. Нужно сверять их навыки со своими возможностями.

На мой взгляд, нашим юристам не хватает способности выделять главное в речи, все переплетено в одно общее. И надо не забывать делать из сказанного выводы. Часто то, что очевидно вам, может не быть очевидным вашему собеседнику. И если говорить о Конституционном Суде Российской Федерации, то собеседником является неограниченный круг лиц, готовых вас послушать.

Я не думаю, что у нас мало судебных ораторов, но думаю, что не надо и преувеличивать значение ораторского мастерства. Гораздо важнее разговор с клиентом. Не с судом, а именно с клиентом. Навыки взаимодействия с клиентом – это то, чему еще меньше учат. А это деликатный вопрос, и здесь нужны другие методы, так как без доверия с клиентом действовать невозможно. Да и не только с клиентом. Так, в деле Дадина важно было наладить общение с его адвокатами. Кажется, это удалось сделать. Практически без подготовки мы сделали неплохую команду.

Выступление в суде – это всего лишь завершение процесса. Это как защита выпускной квалификационной работы: не написав ее, ты не сможешь ее

защитить. В крайнем случае, можно защитительную речь наизусть выучить, но это вершина айсберга, гораздо важнее сформировать позицию.

Е. К.: Сергей, Ваш опыт не исчерпывается российскими судами, расскажите об опыте работы в международных органах. Расскажите, где еще Вам довелось отстаивать интересы своих доверителей.

С. Г.: Я ни разу не выступал в Европейском Суде по правам человека. Все дела в этом суде рассмотрены в письменном производстве. Самый большой опыт выступлений среди российских юристов имеет Кирилл Коротеев. Полагаю, что у него рекорд по количеству слушаний в ЕСПЧ среди всех юристов.

У меня же был интересный опыт, о котором я не рассказывал. У меня есть дела в Комитетах ООН (российские граждане могут обращаться в 4 из 10 комитетов – Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации и в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин). Всегда оставался открытым вопрос, могут ли комитеты проводить заседания при рассмотрении жалоб?

Сейчас Комитет по правам человека предусмотрел в своих правилах такую возможность. Но когда я учился в Эссексе, профессор сэра Найджел Родли утверждал, что такие заседания невозможны. Но в 2012 году Комитет против пыток впервые рассмотрел дело против Казахстана в очном заседании по просьбе государства-ответчика. Я представлял заявителей (дело было связано с экстрадицией из Казахстана в Кыргызстан). Это было впервые в практике ООН. Ни сам Комитет, ни другие участники не могли понять, рассматривал ли он дело в качестве суда или все-таки квазисудебного органа. Решение состоялось в пользу заявителя. Несколько лет назад и Комитет по правам человека закрепил такое правило. Насколько это необходимо – это другой вопрос.

Ведь такие органы уже не пытаются установить все факты дела, это делают национальные суды. Они занимаются правовой интерпретацией этих фактов. Насколько для такого правового диалога необходимо заседание? На мой взгляд, заседания нужны исключительно для привлечения внимания общественности. Наверное, очные заседания имеют значение, когда есть слушатели. Я далек от того, чтобы считать слушания, заседания вершиной деятельности юристов. Самое главное – как это влияет на самого клиента, на общество в целом, в конечном счете.

Мне довелось общаться с Джеймсом Кроуфордом, когда он стал судьей Международного Суда. До этого он имел богатую практику представительства в этом Суде. Поэтому когда оказался на месте судьи, он часто подлежал отводу как ранее участвовавший в процессах в качестве представителя. В связи с наличием свободного времени он принимал как-то в Гааге американских студентов, которые задали ему вопрос: «Какое дело Вы считаете самым важным?» Джеймс Кроуфорд назвал спор Фарерских островов с Европейским Союзом. Что же там было интересного? Дело в том, что спор был завершен мировым соглашением, в результате которого ВВП

Фарер вырос на 3 %, что повлияло на жизнь людей. Население, около 40 000 человек, просто стало лучше жить. Это и есть самое главное – результат для человека, для клиента. Иногда это может быть и психологическое успокоение, иногда денежная компенсация, получение информации или что-то еще. Это самое главное, а не высокие слова о создании Case law.

Е. К.: Что еще? Международный Суд?

С. Г.: Конечно, таких дел у меня не было. Я допущен к представительству в Международном уголовном суде, но пока у меня таких поручений не было.

Е. К.: Что Вы при этом считаете наивысшей точкой? А что еще хотелось бы попробовать?

С. Г.: Я верю, что наивысшая точка еще впереди. Конечно, мне хотелось бы представлять интересы в Международном уголовном Суде.

Е. К.: Если бы так случилось, что не удалось быть адвокатом, то кем могли бы стать?

С. Г.: В России нет необходимости приобретать статус адвоката для того, чтобы представлять граждан. Все-таки такая работа дает определенную свободу. Я не представляю себя работающим в вертикальной иерархической системе с руководством и т.п. Судья в российской правовой системе имеет руководство, что, на мой взгляд, не совместимо с определением судьи, это иерархическая система.

Судьей в той или иной мере хотел бы быть, наверное, каждый юрист. Может показаться странным, но я считаю, что судья не должен быть постоянно действующим. Я имею в виду, что наиболее правильные судьи – третейские, то есть назначенные на специальный спор. Приветствую практику создания арбитражных институтов. Здорово быть и практикующим юристом, и по отдельным вопросам выступать в качестве судьи. ЕСПЧ до 1998 года работал аналогичным способом.

Нет непреодолимой грани между судьейской деятельностью и другими видами юридической практики, по-хорошему судейство должно быть лишь одной из форм практики. Но я точно не хотел бы отчитываться перед вышестоящими лицами. Считаю эффективной практику, когда судьям можно дать возможность действовать самостоятельно и наблюдать, в какую сторону практика развивается. Важно отталкиваться не от абстрактно сформулированной нормы, а от конкретных кейсов и уже на их основе развивать законодательство. Самое лучшее, что у нас есть – это практика и клиенты.

Е. К.: Есть ли смысл в изучении практики ЕСПЧ, если подвергается сомнениям дальнейшее состояние России в Совете Европы?

С. Г.: Это очень важный вопрос, на самом деле. На мой взгляд, важно отталкиваться не от суда, а от темы.

Позиции ЕСПЧ отражают не только положения Европейской Конвенции, которую можно денонсировать. Во многом они отталкиваются и от положений Международного пакта о гражданских и политических правах, из которого выйти нельзя, и от норм Конституции Российской Федерации, ее второй главы. По многим вопросам они отражают положения российского отраслевого законодательства. Изучение практики безотносительно к конкретному источнику делает шире возможности и понимание юристами того, как правовая система должна функционировать. Кроме того, если говорить о ЕСПЧ, то Россия не выходит из Совета Европы, не отказывается от Конвенции. Не надо воспринимать Конвенцию как панацею, но и отказываться от нее нельзя.

Е. К.: Не могу не задать вопрос, так как искренне считаю, что учатся именно на ошибках. Какую ошибку Вы совершили в своей работе, какие выводы из нее сделали?

С. Г.: Моей ошибкой во время учебы было придание слишком большого значения изучению как раз деятельности ЕСПЧ. Эта тема в начале 2000-х годов была популярной, хайповой. Я слишком серьезно воспринял ее. Не надо идеализировать никакой правовой механизм, у каждого из них есть своя ахиллесова пята. У ЕСПЧ таковой стала проблема исполнения его решений. Оказалось, что этот вопрос Конвенцией не урегулирован, он оставлен на усмотрение национальных систем. Целый ряд государств имеют богатый опыт неисполнения, и практически во всех государствах есть неисполненные решения.

И, возвращаясь к теме важных решений, о которой говорил Джеймс Кроуфорд, повторюсь: важны те решения, которые повлияли на жизнь людей. А если решение ни на что не повлияло, а ограничилось в лучшем случае денежной компенсацией, то ценность его мала. Так, родственники пропавших в Чечне получили деньги, но не добились проведения эффективного расследования. Много и других примеров. Поэтому излишняя идеализация механизма ЕСПЧ была моей ошибкой. Но это не значит, что ничего не надо делать, а иногда вообще в суд не нужно обращаться, так как вторичная виктимизация, которая происходит с жертвой нарушения прав человека, порой более тяжело переносится. Иногда правосудие – идеальная мечта.

Е. К.: Вы очень много выступаете на радио, проводите публичные лекции, преподаете. Что это дает Вам?

С. Г.: Я все меньше этим занимаюсь. Но скажу, что большая ошибка считать, что это дает клиентов (их дают рекомендации, безусловно). Выступления в общественных форматах – возможность сказать то, что я хочу сказать. Для меня во многом это то же, что дело Дадина, – возможность выразить мою позицию.

У меня был интересный опыт выступления в международном проекте Creative Mornings, в рамках которого проходят встречи в разных городах по

определенной теме. Я выступал на тему равенства, пытался объяснить, что это такое, с ответами на вопросы присутствующих. Мне самому было интересно, как мне это удастся. Это скорее такая исповедь, больше чем что-либо еще.

Е. К.: О каких изменениях при этом в законодательстве и правоприменительной практике Вы мечтаете?

С. Г.: В плане законодательства уже ни о чем не мечтаю. Видится, что уровень несогласованности законодательства очень высок, отдельными поправками его не удастся исправить. Тому, как стратегически приводить законодательство в гармоничное состояние, стоит обсуждать. Но это лишь один из аспектов.

Так, адекватная судебная власть – это то, что важнее законодательства. Судебная практика может стать отличным источником права. Если говорить о мечтах, то самое главное, что мне хотелось бы увидеть – граждане, способные принимать обдуманное решение, способные рационально выстраивать в своей голове мыслительный процесс. Это, конечно, совершенно невозможно, но мечта и должна быть недостижимой. Тогда на многие вопросы были бы даны ответы, особенно сейчас, когда взгляды на многое надо пересматривать. То, что можно было вчера, завтра уже может быть невозможным. А для этого надо включать головы и смотреть, анализировать причинно-следственные связи, что на чем стояло. Все могут думать, но не все способны включать голову, чтобы это делать.

Е. К.: Завершите, пожалуйста, нашу встречу пожеланием студенту юридического факультета любого вуза, в том числе и нашего.

С. Г.: Совет простой – следуйте любви. Занимайтесь тем, что вы любите, а не тем, что сейчас кажется выгодным. Не идите на ту кафедру, куда идут все, а идите туда, где вам ближе. Хайп изменится, но если вы занимаетесь тем, что любите, то вам будет приятно. А счастье важнее всего.